

Килимник Евгений Витальевич

СУЩНОСТЬ И ФУНКЦИИ ФЕОДАЛЬНОГО ЗАМКА В ЕВРОПЕ

Статья посвящена вопросам рассмотрения генезиса, сущности и функций феодального замка, что во многом было упущено из внимания отечественных и зарубежных исследователей. На основе источниковедческого анализа средневековых королевских грамот, изучения географического расположения замков в Европе в представленном исследовании впервые дается новое авторское определение замка. Также впервые автором работы анализируется проблематика синтеза художественного, функционального и конструктивного в замковой архитектуре.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/7-1/18.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (45): в 2-х ч. Ч. I. С. 68-72. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Данное сравнение показывает, насколько внимательным должен быть исследователь, опирающийся на современные учебные пособия. Как известно, время и общеполитическая ситуация в стране накладывают свой отпечаток на мировоззрение специалистов всех сфер деятельности. Именно поэтому для наибольшей объективности при формировании выводов нужно использовать публикации разных лет. К сожалению, становится все сложнее найти книги, изданные в России до «перестройки». И такая тенденция чревата значительным снижением качества проводимых молодыми учеными исследований и их полезности для будущих поколений.

Список литературы

1. Беспалова А. Г., Корнилов Е. А., Короченский А. П., Лучинский Ю. В., Станько А. И. История мировой журналистики. М. – Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2003. 803 с.
2. Жирков Г. В. История цензуры в России XIX-XX вв.: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2001. 645 с.
3. Козлова М. М. История отечественных средств массовой информации: учеб. пособие. Ульяновск, 2000. 412 с.
4. Кузнецов И. В. История отечественной журналистики (1917-2000 гг.): хрестоматия. М.: Флинта: Наука, 2002. 640 с.
5. Кузнецов И. В., Фингерит Е. М. Газетный мир Советского Союза (1917-1970 гг.). М.: Изд-во МГУ, 1976. 360 с.
6. Овсепян Р. П. История новейшей отечественной журналистики: учеб. пособие / под ред. Я. Н. Засурского. М.: Изд-во МГУ, 1999. 352 с.
7. Окороков А. З. Октябрь и крах русской буржуазной прессы. М., 1970. 414 с.
8. Партийная и советская печать в борьбе за построение социализма и коммунизма: учеб. пособие. М.: Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1966. Ч. 1. 1917-1941 гг. 639 с.
9. Скребнев В. А. Партийно-советская печать Тамбовской губернии (1917-1928 гг.). LAMBERT Academic Publishing, 2011. 136 с.

**THE SOVIET AND MODERN HISTORIOGRAPHY ABOUT NATIONAL PRESS
OF NEW ECONOMIC POLICY PERIOD (1921-1928): COMPARATIVE ANALYSIS**

Kareva Sof'ya Yur'evna
Tambov State Technical University
sk.jobstuff@gmail.com

In the article the works published in the soviet and post-perestroika periods, which differently and often diametrically oppositely evaluate the soviet press of the first post-revolutionary years, are analyzed. On the basis of quotations from the chosen publications, the author grounds the necessity to pay especially close attention to the objectivity of value judgements that are suggested by the historians, whose published works are often the main basic materials for young scientists.

Key words and phrases: the soviet press; valuation; comparison; post-soviet historians; New Economic Policy.

УДК 72.033

Искусствоведение

Статья посвящена вопросам рассмотрения генезиса, сущности и функций феодального замка, что во многом было упущено из внимания отечественных и зарубежных исследователей. На основе источниковедческого анализа средневековых королевских грамот, изучения географического расположения замков в Европе в представленном исследовании впервые дается новое авторское определение замка. Также впервые автором работы анализируется проблематика синтеза художественного, функционального и конструктивного в замковой архитектуре.

Ключевые слова и фразы: феодализм; Средневековье; замок; зодчество; генезис; функции; архитектурные отличия.

Килимник Евгений Витальевич, к. искусствоведения, доцент
Уральский институт бизнеса, г. Екатеринбург
kilimnik_06@mail.ru

СУЩНОСТЬ И ФУНКЦИИ ФЕОДАЛЬНОГО ЗАМКА В ЕВРОПЕ[©]

В предлагаемом исследовании ставятся задачи рассмотрения генезиса европейского феодального замкового комплекса, его этимологии, создания нового определения замка, а также освещения их сущности и функций, проведения искусствоведческого анализа замковой архитектуры.

Началом становления феодального замка, как многогранного художественного историко-культурного феномена средневековой культуры, можно считать появление при Карле Великом военно-ленной системы, в рамках которой начинается активное жалование земельных владений воинам, несущим постоянную службу в войсках императора (конец VIII – X в.) [1]. Именно в этих условиях начинает складываться институт феодалов с их дарственными поместьями и зависимыми крестьянами, с правом наследования пожалованных

земель при условии несения обязательной (постоянной или временной) военной службы и охраны вверенных территорий (своеобразная плата кровью сюзерену за полученное владение) [2]. Центрами региональных феодалов становятся укрепленные жилища их владельцев – оборонные замки – мотты и бэйли (ранние варианты замковых комплексов), функционально служившие своеобразным военным, политическим, экономическим, правовым и культурным центром, одновременно с этим бывшие жилым домом рыцаря и выступавшие в качестве регионального центра защиты подвластной территории, населения и местной торговли.

Своим названием «замок» – феодальная крепость обязана романской языковой группе. В свою очередь появление термина «замок-крепость» у западных и южных славян (–Hrad”, –Hradek” у чехов и словаков, –Grod” у поляков, –Grad” у хорватов и словенцев) относится к названию ранних деревоземляных укреплений – городищ, принадлежащих культуре этих народов. И только у восточных славян – белорусов и украинцев позднее название замка-крепости «фортеция» (XVI-XVII вв.) ведет свое происхождение от романского термина «фортис» – сила, крепость. Что, в свою очередь, легло в основу французского названия «форт» – долговременное укрепление (начало XVI в.). Собственно русское слово замок является прямым заимствованием из польского языка. Польское *zamek*, как и чешское *zamek*, является семантической калькой средневерхнемецкого *slaz* – «крепость, замок» (современное *schloss*), которое, в свою очередь, произошло от латинского *clusa* – «крепость» [3].

Этимология названий ранних феодальных замков – моттов и бэйлей остаётся не до конца выясненной в отечественной и зарубежной науке, хотя за рубежом предпринимаются попытки определить происхождение наименований этих первоначальных замковых форм. Можно предположить, что эти слова происходят из галло-франкского языка, и не имеют романских аналогов. В наше время «мотт» и «бэйли» – термины, которые до сих пор сохраняются в диалекте жителей Северной Франции, обозначающие деревоземляные укрепления, с той разницей, что мотты обычно располагались на искусственном или природном холме, а бэйли находились в низине, представляя собой земляной вал с частоколом. Очень часто при их строительстве обе ранние композиции замковых форм были совмещены, представляя двухчастную композицию из нижнего и верхнего замков. Самые ранние дошедшие до нас материальные свидетельства о начальных формах феодальных замков «мотах» и «бэйлях» (X – первая четверть XII в.), присутствуют в известном гобелене из Байё, рассказывающем историю завоевания Англии норманнами. Эти еще архаичные по своей архитектурно-художественной форме феодальные замки участвуют в пяти сценах гобелена. На первый взгляд, данные сцены кажутся абстрактными и фрагментарными, но более внимательный осмотр открывает подробности и их точный выбор. Эти изображения вместе с уцелевшими письменными свидетельствами и объёмной группой археологических находок позволяют воссоздать довольно-таки чётко облик «мота» и «бэйля», а также их происхождение. Основанием «мота» и «бэйля» служила земляная насыпь, окруженная ровом и крепостным валом. Земля, вынутая при рытье рва, шла на возведение вала, который был обложен дёрном и мог быть усилен частоколом. Вся эта конструкция сооружалась довольно быстро. Источники времён норманнского нашествия упоминают о крепостных постройках, на завершение которых требовалось несколько дней. В эпической поэме Вэйса о королях Нормандии рассказывается, что брёвна для построек переправлялись на кораблях, что делало возможным построить «мотт» и «бэйль» – замок за один день.

Именно от этих, еще архаичных по форме деревоземляных феодальных замков X-XI вв. ведет свое происхождение нормано-французское замковое древо, ставшее родоначальником башенно-донжонной феодальной крепости в Западной Европе. Башня на вершине холма была одновременно средством обороны и резиденцией рыцаря и называлась традиционно, как и в прежние римские времена, *domineonen* или *domineonen* – жилище владельца. Отчего позже в XI в., с развитием башенного типа феодального замка в Западной Европе, возникло производное французского слова донжон, который становится символом знатности его владельца. Чтобы подчеркнуть высокий общественный статус, о собственнике донжона обычно говорили: «У него есть башня» [4]. В конце XII в. сохранившиеся во Франции лингвистические традиции романского происхождения и создание новой кастильной замковой композиции повлияли на возникновение западноевропейского названия замок – «кастел» (*castelo*, восходит к латинскому слову *castellum*) [5]. Именно название римского кастела в XIII в. легло в основу английского слова замок – «кастл» [6], испанского «кастилло», итальянского «кастелло», португальского «кастело», нидерландского «кастеел». В конце XV – XVI в. обозначение укрепленного замка трансформировалось в словацком слове «каштиел», венгерском «кастели» и хорватском «каштол». В немецких и австрийских средневековых княжествах феодальная крепость XI-XVI вв. обычно включала в свое название слово «бург», уходившее своими корнями в позднелатинское наименование «бургус», означавшее временный укрепленный лагерь римлян. Но это также могла быть и городская цитадель, а иногда и сам город. Основной чертой романского бургуса было сочетание жилой и оборонительной функций. В свою очередь в украинских (галицко-подольских землях), чешских, словацких, словенских и хорватских землях в период позднего Средневековья немецкий термин «бург» трансформировался в слово «Та-бор», означавшее для всех этих регионов военный укрепленный лагерь.

В результате, возникшие в средневековой Западной Европе производные термины «донжон», «кастел», «бург» и «фортеция», генетически заимствованные наследниками варварских княжеств и королевств из античной эпохи, обозначали определенный региональный тип феодального замка.

Говоря о важности значения региональных укреплений, необходимо отметить, что для снижения угрозы территориальных захватов центральная власть в лице императора возводит крепости во всех важных местах, предоставляя аналогичное право на строительство военной знати. Следовательно, право на все крепостное строительство вытекало из прямой обязанности заботиться о защите подвластной территории. В результате, с этого времени в средневековой Европе начинают постепенно формироваться новые типы укреплений: крепость-город, укрепленный монастырь или церковь, крепость-замок.

Из-за многочисленных междоусобиц феодальной знати IX-X вв., а также периодически возникающей внешней угрозы нападения арабов в VIII-IX вв. с юго-запада, норманнов в конце IX – X в. – вдоль северного и западного побережья Атлантики, венгров в X в. с юго-востока Европы, турок-осман и войск Крымского ханства на земли Венгрии, Польши, Русско-Литовского княжества в XV-XVII вв., требования к безопасности жилища у представителей правящего военного слоя резко возросли, что напрямую было продиктовано и необходимостью защиты подвластной территории [7]. В результате им понадобились более надежные и обороноспособные региональные резиденции; их владельцы более не могли полагаться только на ров с водой и палисад, окружавшие их неукрепленные жилища по периметру двора [10]. К тому же рыцари не всегда имели возможность в случае опасности укрыться в расположенных поблизости на возвышенностях деревянных укреплениях. Следовательно, начиная с этого периода времени, им оставалось выбирать одну из трех, имевших у них возможностей:

- во-первых, можно было незащищенный до сих пор деревянный или каменный дом, расположенный на равнине, переделать в обороноспособное жилье;
- во-вторых, можно было трансформировать господский двор в старом месте жительства в замок с помощью дополнительных оборонительных элементов;
- в-третьих, можно покинуть трудно защищаемое жилье в пределах двора и самому переселиться на защищающие высоты, т.е. туда, где уже давно стоял соответствующий, но удаленный замок.

Характерно, что преимущество было отдано третьему решению, и не только по военным соображениям, но, в первую очередь, по соображениям представительности и чувства превосходства благородного воинского сословия. Новая укрепленная аристократическая рыцарская резиденция представляла не только пространственное отделение от прочего неблагородного зависимого населения, но и создавала своим обособленным устрашающим видом в глазах военной элиты символическое превосходство над остальным миром.

Об особой исключительной роли замка в средневековой истории говорят грамоты королей Пршемысла-Оттокара II короля Богемии (создание замка Самобор для защиты одноименного города в Хорватии XIII в.), Белы IV Арпада (возведение замка Медведград для охраны Загреба, XIII в.), Лайоша Венгерского (постройка замка Бран для защиты торговых путей и города Брашов в Трансильвании, XIV в.), Карела IV Богемского (строительство замка Кашперк для защиты золотonosных копей в Западной Чехии, XIV в.), Казимира Великого (сооружение оборонных замков на Краковско-Ченстоховской возвышенности, предназначенных для защиты городов и важных торговых путей, XIV в.). Об особой роли замков в европейской истории свидетельствует королевский запрет на 150-летнее строительство оборонных замков феодалам в средневековой Швеции; или предоставление этого права за заслуги перед короной (Матияш Корвин Венгерский пожаловал семейству Палоци право на строительство в Шарошпатаке «Красной башни» в 1465 г.; Король Франции Карл VIII даровал право на строительство оборонного замка Филиппу де Мулену за спасение королевской жизни в битве при Форнуэ в 1495 г.).

Исходя из сохранившихся источников и географического местоположения замковых комплексов Европы, замком мы будем называть компактное крепостное сооружение с комплексом оборонительных элементов, предназначенное для защиты подвластной территории, а также для утверждения культурных традиций характерных для регионов средневековой Европы. Это исторически сложившаяся социокультурная система, отражавшая картину мира средневекового рыцарства.

Актуальность такого подробного определения понятия «замок» обусловлена тем, что в отечественной и зарубежной науке до сих пор не сформулировано общего четкого определения, что такое феодальный замок и каковы его основные характеристики. Так во многих отечественных (А. А. Васильев, В. Ю. Виппер, А. Я. Гуревич, А. С. Карповский, В. Н. Тяжелов) и зарубежных (Ж. Ле Гофф, Ж. Дюби) работах в главах, затрагивающих рыцарскую культуру и ее проявление – оборонный замок, часто ему вообще не дается определения и сразу идет краткое усредненное техническое описание. Как правило, в отечественной и зарубежной науке принято традиционно называть замком укрепленное жилище феодала или феодальную крепость, что, по мнению автора, не вполне отражает суть этого явления в европейской и отечественной культуре, а именно не раскрывает основное функциональное назначение замка и игнорирует его региональную оборонительную ценность, что было особенно важно в условиях длительной раздробленности в регионах Европы, колонизационных процессов и частых феодальных войн. Поэтому становится необходимым сформулировать более точное и подробное определение замка как художественного культурно-исторического феномена средневековой культуры.

Замок включал совокупность необходимых служб, расположенных в сословно-иерархическом порядке. По своему назначению замок как интегративный феномен средневековой культуры выполнял много функций, но базовой была защита и сохранение подвластных земель в руках сюзерена, который, предоставляя феоды за службу, делегировал эти полномочия рыцарству (своеобразная «плата кровью» за право дохода с владений). Из этого можно сделать вывод, что замковые сооружения возводились, а также активно модернизировались, когда:

- беспокойные времена несли с собой структурные кризисы;
- центральная власть начинала уступать региональной;
- возрастала внешняя угроза, и соответственно потребность в защите и сохранении земель.

Кроме этого замок был оплотом правовой и властной системы феодализма в европейских регионах. Исходя из этого, можно выделить:

- оборонительную функцию – благодаря своему военно-оборонительному устройству и прочности конструкции (целиком из камня строили в тот период времени, как правило, только церкви) – замки служат защите и сохранению земель владетельного рода и, одновременно, политической стабильности региона, а в широком смысле и безопасности населения;

– колониционную функцию – замковые комплексы активно помогали проводить завоевательную политику европейских феодалов и служили плацдармами для освоения окраинных земель средневековых государств в эпоху Раннего и Высокого Средневековья;

– властную функцию – замки являются местом, из которого зримо и осязаемо управляется определенная территория; а также местом, где вершится суд и откуда следят за выполнением приговора.

Среди других значимых функций, определявших назначение феодального замка, можно выделить:

– экономическую функцию – замки являются местом, в котором сосредотачивается служба и сборы зависимого населения, т.е. служат центром хозяйственного объединения;

– бытовую функцию – замки прямо демонстрируют в буквальном смысле возвышенное социальное положение своих обитателей, связанное со специфическим благородным образом жизни. Историческое значение этого многообразия функций связано с тем, что в тот период времени не было линий границ и пограничных столбов, разделявших те или иные территории средневековой Европы, связанной общей системой вассально-ленных отношений и единой католической верой.

Особое отношение к замкам как особому роду построек в средневековом сословном обществе подтверждает так называемое «Саксонское зеркало» (Sachsenspiegel) [8] – созданное между 1224 и 1231 гг. и являющееся известным старейшим всеобъемлющим сводом законов на немецком языке. Этот документ является правовой рукописью рыцаря Айке фон Репгова, содержание которой взаимно перекрывается со «Швабским зеркалом» (Schwabenspiegel) [9]. В нем точно определено, что делает замок замком, какие постройки подпадают под законы об укреплениях, а потому требуют разрешения на строительство. Этими признаками были:

- 1) любые башни, замковый холм, замковый остров;
- 2) любая стена, возведенная выше, чем способен достать всадник своим мечом;
- 3) любая стена, имеющая зубцы или бруствер;
- 4) любая постройка из дерева или камня, поднимающаяся над углубленным первым этажом больше, чем на два этажа, и чей вход расположен выше уровня колена;
- 5) любой ров, выкопанный так глубоко, что удаление земли уже невозможно без дополнительной рабочей площадки. При этом, в указанном списке отсутствуют эркеры, опускающиеся решетки, подъемные мосты и бойницы.

В итоге именно благодаря наличию оборонительных элементов можно понять, насколько обороноспособным был замок на самом деле, и насколько высоко в действительности было его военно-стратегическое значение в том или ином регионе Западной, Южной, Северной, Центральной и Восточной Европы с конца X и до 40-х годов XVII в.

Исследуя проблему синтеза художественного, функционального и конструктивного в замковой архитектуре, следует отметить, что эти принципы в процессе развития оборонного замкового зодчества варьировались, меняли значимость и выраженность. На заре замковой эры мастеров-строителей заботила польза и прочность сооружения, тогда как его красота в расчет не принималась. В силу утилитарно-функционального назначения оборонного замка перед мастерами стояла задача, оптимально используя условия местности, с одной стороны, и достижения строительного искусства – с другой, наделить сооружение многоуровневой системой защиты, сделать его максимально надежным и неприступным, способным защитить окрестные земли и население, но главное – идею власти правителя над этим регионом. Это энергетическое воздействие, пусть иного рода, мы продолжаем испытывать и сегодня. Даже те ранние замки, в архитектурный замысел которых строители не вложили ни декоративности, ни художественности, вызывают в нас эстетическое чувство благодаря совершенству воплощения этого замысла. Можно утверждать, что красота замка, присущая ему изначально, но не осознаваемая средневековым человеком, проявлялась постепенно с изменением системы ценностей и окончательно утвердилась в сознании людей в ряду величайших достижений человеческого мастерства.

В результате, проблема синтеза художественного и конструктивного, не стоявшая по началу перед зодчими при создании оборонного замкового комплекса, выражается, по мнению автора, в том, что индивидуальная неповторимая красота существующего сегодня многообразия замковых форм в регионах Европы оказывалась результатом уровня решения основной защитной функции, если иметь в виду, что красота является показателем степени совершенства любой системы. Процесс синтеза искусств, начавшись с индивидуальной художественной формы замка, ярко проявившейся при его создании, в последствии, со сменой стилевых предпочтений, переносится на замковую часовню, вбирающую в себя художественные элементы новой эпохи (Готики, Ренессанса), рождением дворца с новым полифункциональным назначением, включающем на начальном этапе прежнее оборонное назначение, и, наконец, с утратой оборонительной функции, полным превращением оборонного замка в неукрепленный дворцовый комплекс (XVI-XVIII вв.), и далее – в музей, синтезирующий конструктивное и художественное наполнение. Этому архитектурно-историческому процессу во многом способствуют и высвобождающиеся средства, первоначально направленные на поддержание оптимальной системы фортификации и замкового вооружения, а по мере утраты оборонного назначения, направленные своими властителями на художественную реконструкцию бывшей феодальной крепости.

Возникнув в рамках раннесредневековой романской стилистики, оборонная архитектура долгое время пребывала исключительно в суровом облике этого художественного направления, почти не воспринимая влияния возникшей Готики. И лишь с началом Возрождения готические и ренессансные черты стали активно проникать в архитектуру замка, тем самым, синхронизируя процесс развития оборонного зодчества и художественные веяния эпохи. В результате, в эпоху Барокко замок представляет собой сооружение, чье функциональное и художественное наполнение полностью соответствует духу времени.

Возникший дворец функционально вытесняет замок. Сохраняется название замка, но внешний облик и его наполнение уже исключают необходимость обороны.

В результате, замок, как феномен европейской культуры, просуществовал более восьми веков (с конца VIII – до 40-х годов XVII в.), став символом политико-правовой, экономической и культурной власти светских и духовных феодалов в европейских и западнорусских землях. Это архетипическое духовное наполнение замка объединяет разнообразные по архитектурно-художественному облику замковые постройки и наделяет каждый из них свойствами целого.

Таким образом, на основании проведенного культурно-исторического исследования феодальных замковых комплексов Европы, автором впервые было установлено, что оборонный замок как уникальное произведение европейской культуры, своеобразное «зеркало времени», включающее в себя все проявления средневекового бытия – политические, экономические, технические, социальные, культурные, художественные, объединял различные по своему природно-ландшафтному, историко-культурному и социокультурному уровням развития средневековые регионы Европы. Кроме того, если особенности архитектурной формы и художественного оформления замков зависели, в основном, от локальных историко-культурных и военно-оборонительных традиций, то смыслообразующей, функциональной основой любого замка были идеи верховной власти, всеобщего феодального права, защиты и подчинения, то есть ценности политико-правовой культуры, отражавшие мир средневековой Европы.

С учетом проведенного источниковедческого исследования средневековых грамот местоположения замковых комплексов в регионах Европы, автором впервые было сформулировано новое определение замка, ставшего основным центром обороны края, который в силу своей функциональности, малоприменительной к иным архитектурным формам, обладавшим своими специфическими чертами, отличными от функциональных нужд, целей и задач замковых построек с их строго индивидуальным назначением.

Научно-теоретические и практические рекомендации автора сводятся к следующему:

- во-первых, отмечая безусловный интерес, который представляет анализ феодальных замков для отечественных ученых в области искусствоведения, культурологии, истории необходимо отметить, что с позиций современной искусствоведческой науки для воссоздания более полной картины мира средневекового общества автор работы полагает необходимым обобщить, систематизировать и проанализировать накопленный значительный теоретический и эмпирический материал по замковым комплексам Калининградской области России в контексте истории развития западноевропейского замкового зодчества и на этом основании создать ряд фундаментальных научных исследований, посвященных изучению различных сторон этого многогранного явления средневековой культуры;

- во-вторых, необходимо продолжить создание теоретико-методологических моделей истории развития европейского замкового зодчества и крепостей Российского государства. Выявить в их архитектурно-исторических формах общее и особенное с учетом проявления специфических региональных характеристик, которые детерминированы уровнем развития местных военно-оборонительных традиций, природно-ландшафтными, культурно-историческими и социокультурными условиями. Вскрыть связи исторической эволюции русского оборонного зодчества с общеевропейским замкостроением, которые были созданы в результате межкультурных коммуникаций. По мнению автора исследования, это будет способствовать внесению определенной корректуры в сложившихся взглядах европейцев об обособленной роли России в истории культуры Европы;

- в-третьих, в целях формирования у граждан Российской Федерации и, особенно в молодежной среде, исторической памяти и идеалов патриотизма необходимо усиление российской государственной политики в области широкого освещения и пропаганды историко-архитектурного наследия нашего Отечества;

- в-четвертых, российское государство должно проводить более активную политику в области сохранения архитектурных памятников старины, являющихся хранителями российской истории, трансляторами социокультурных ценностей прошлого;

- в-пятых, по мнению автора исследования, дальнейшее изучение историко-архитектурного наследия Средневековья, в частности феодальных замков – феномена средневековой культуры, приобретает особую значимость для дальнейшей интеграции России в общеевропейское культурно-историческое пространство.

Список литературы

1. **Килимник Е. В.** Генезис форм феодальных замков в Центральной Европе в период Зрелого Средневековья // Мир Науки, Культуры, Образования. 2010. № 5 (24). С. 215-219.
2. **Килимник Е. В.** Культурно-исторические особенности феодальных замков европейского Средневековья (на примере памятников рыцарской культуры Центральной и Восточной Европы) // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Т. 12. № 5 (3). С. 845-851.
3. **Килимник Е. В.** Культурно-исторические особенности феодальных замков Центральной Европы, Западной Украины и Белоруссии XI-XVII вв. Екатеринбург: Уральский ин-т социального образования, 2011. 365 с.
4. **Килимник Е. В.** Феодальный замок в контексте политической культуры Средневековья // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14). Ч. 2. С. 93-98.
5. **Ebhardt B.** Der Webrau Europas im Mittelalter. Berlin: Werlag, 1958. Vol. Stollhamm. Bd. 1. Berlin. 57 p.
6. **Mrusek H. J.** Burgen in Europa. Leipzig: Edition Leipzig, 1974. 150 p.
7. **Roch I.** Castles of Europe. Leipzig: Edition Leipzig, 1974. 150 p.
8. **Sachsenspiegel.** Landrecht. Göttingen: Lieferzeit k. A. Versandkosten, 1955. 200 p.
9. **Schwabenspiegel.** Lehnrecht im hohen Mittelalter. Bonn: Werlag Bonn, 1969. 200 p.
10. **Ulmer K.** Castles of Friulia. Milan: Edited Andrea Barbaranelli, 2006. 350 p.